

ВОЗВРАЩАЮЩИЙСЯ ДОМОЙ*

Возвращающемуся домой дом показывает — по крайней мере вначале — непривычное лицо. Человек думает, что попадает в незнакомую страну, пока не рассеиваются облака. Но положение возвращающегося отлично от ситуации чужестранца. Последний должен присоединиться к группе, которая не является и никогда не была его собственной. Этот мир организован иначе, чем тот, из которого он прибыл. Возвращающийся, однако, ожидает вернуться в окружение, где он уже был, о котором он имеет знание, которое, как он думает, сумеет использовать, чтобы войти с ним в контакт. У чужестранца нет этого знания, — возвращающийся домой надеется найти его в памяти. Так он чувствует и испытывает типичный шок возвращающегося Одиссея, описанный Гомером.

Этот типичный опыт возвращения домой мы будем анализировать в общих терминах социальной психологии. Возвращающиеся с войны ветераны — крайний случай, и он хорошо описан в литературе. Мы можем сослаться и на опыт путешественников, возвращающихся из зарубежных стран, и на эмигрантов, возвращающихся в родные края. Все они — примеры возвращающихся домой, и не на время, как солдат на побывку или студент на каникулы.

Что мы, однако, понимаем под домом? Дом — это то, с чего мы начинаем, сказал бы поэт. Дом — это место, куда каждый намерен вернуться когда он не там, — сказал бы юрист. Мы будем понимать под домом нулевую точку системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы найти свое место в нем. Географически это определенное место на поверхности земли. Но дом — это не только пристанище: мой дом, моя комната, мой сад, моя крепость. Символическая характеристика понятия «дом» эмоционально окрашена и трудна для описания. Дом означает различные вещи для разных людей. Он означает, конечно, отцовский дом и родной язык, семью, друзей, любимый пейзаж и песни, что пела нам мать, определенным образом приготовленную пищу, привычные повседневные вещи, фольклор и личные привычки, — короче, особый способ жизни, составленный из маленьких и привычных элементов, дорогих нам.

Опросы показывают, что для одних дом — это томатный сэндвич с ледяным молоком, для других — свежее молоко и утренняя газета у двери, для третьих — трамваи и автомобильные гудки. Таким образом, дом означает одно для человека, который никогда не покидает его, другое — для того, кто обитает вдали от него, и третье — для тех, кто в него возвращается.

Выражение «чувствовать себя как дома» означает высшую степень близости и интимности. Домашняя жизнь следует организованным рутинным образцам, она имеет хорошо определенные цели и апробированные средства, состоящие из набора традиций, привычек, институтов, распорядка для всех видов деятельности. Большинство проблем повседневной жизни может быть решено путем следования образцам. Здесь не возникает потребности определять и переопределять ситуации, которые ранее встречались много раз, или давать новые решения старым проблемам, уже получившим удовлетворительное решение. Способом жизни

Печатается по: Schutz A. The Homecomer. On Phenomenology and Social Relation. The University of Chicago Press, 1970. P. 294—308.

дома управляет не только моя собственная схема выражений и интерпретаций, она является общей для всех членов группы, к которой я принадлежу. Я могу быть уверен, что, используя эту схему, пойму других, а они — меня. Система релевантостей, принятая членами моей группы, демонстрирует высокую степень конформности. Я всегда имею шанс — субъективно или объективно — предсказать действия другого в отношении меня, равно как и их реакцию на мои действия. Мы можем не только предвидеть, что произойдет завтра, но и планировать более отдаленное будущее. Вещи продолжают оставаться такими же, как были. Конечно, и в повседневности есть новые ситуации и неожиданные события. Но дома даже отклонения от повседневной рутины управляются способами, с помощью которых люди обычно справляются с экстраординарными ситуациями. Существуют привычные способы реагировать на кризисы в бизнесе, для улаживания семейных проблем, отношения к болезни или даже смерти. Как это ни парадоксально, здесь существуют рутинные способы иметь дело с инновациями.

В терминах социальных взаимоотношений можно было бы сказать, что жизнь дома — это жизнь в так называемых первичных группах. Этот термин, введенный Кули, чтобы обозначить близкие отношения лицом-к-лицу, стал привычным для социологических учебников. Для нашей цели будет полезно проанализировать некоторые скрытые импликации этого термина.

Прежде всего, мы должны различать отношения лицом-к-лицу и близкие отношения. Первые предполагают общее пространство и время. Общность пространства означает, что телесные движения, выражения лица, жесты открыты наблюдению партнера как симптомы его мысли. С другой стороны, общность пространства означает, что определенный сектор внешнего мира доступен всем участникам отношений лицом-к-лицу. Внутри этого общего горизонта есть объекты общего интереса и общей релевантности. Общность времени не простирается столь далеко и не означает внешнего (объективированного) времени, разделяемого с партнером, но она означает, что каждый из них участвует во внутренней жизни другого. Я могу схватить мысли другого в живом настоящем и соотнести с моим собственным потоком мышления. «Я для других» и «он для меня» являемся не абстракциями, не только примерами типичного поведения, но и — поскольку мы разделяем живое настоящее — уникальными индивидуальными личностями. Таковы отличительные черты ситуации лицом-к-лицу, которую мы предпочитаем называть «чистым мы-отношением». И это очень важно, поскольку мы можем показать, что все другие социальные отношения могут, а для некоторых целей и должны быть интерпретированы как производные от него. Однако важно понимать, что чистое мы-отношение относится лишь к формальной структуре социальных отношений, основанных на общности пространства и времени. Оно может быть наполнено множеством содержаний, демонстрирующих различные степени близости и автономности. Разделять живое настоящее с женщиной, которую мы любим, или с соседом на дороге — различные типы отношений лицом-к-лицу. Понятие «первичные группы» Кули предполагает определенное содержание такого отношения — близость. Но само понятие близости, как я полагаю, приложимо не только к отношениям лицом-к-лицу. Тем не менее, термин «первичная группа», как общепотребительный, подразумевает третье понятие, независимое от названных двух, — повторяющийся характер определенных социальных отношений. Женитьба, дружба, семья состоят не из перманентных, строго непрерывных отношений лицом-к-лицу, но из серии прерывающихся лицом-к-лицу отношений. Точнее, так называемые первичные группы являются институционализированными ситуациями, позволяющими вновь восстанавливать прерванные отношения и продолжать их с того момента, когда они были прерваны. Это не уверенность, но шанс, что они будут восстановлены и продолжены, и существование этого шанса принимается во внимание всеми членами группы.

После подобных разъяснений вернемся к тому, что жизнь дома означает по большей части жизнь в актуальных или потенциальных первичных группах, т.е. в общем с другими пространстве и времени, в общем окружении объектов как возможных целей, средств и интересов, основанных на непрерывной системе релевантостей. Жить дома — это значит воспринимать другого как уникальную личность в живом настоящем, разделять с нею антиципации будущего в качестве планов, надежд и желаний, наконец, это означает шанс восстановить отношения, если они прерваны. Для каждого из партнеров чужая жизнь становится частью его автобиографии, элементом личной истории.

Таков аспект социальной структуры домашнего мира для тех, кто в нем живет. Она полностью изменяется для того, кто покинул дом.

Он вступил в иное социальное измерение, не покрываемое системой координат, используемых как схема референции у себя дома. Он не испытывает в опыте живого настоящего многих социальных отношений, составляющих текстуру его домашней группы, в качестве их участника. В результате разрыва единства пространства и времени со своей группой, поле

интерпретации, в котором другой проявляет себя, для него резко сужается. Персональность другого не воспринимается им как целостность: она дробится на части. Нет целостного переживания в опыте близкого человека: его жестов, походки, манеры речи. Остались лишь воспоминания и фотографии. Но есть такое средство коммуникации, как письма. Однако пишущий письмо обращается к тому типу адресата, который он оставил, уходя из дому, и адресат читает письма того человека, с которым он простился. Предполагается, что то, что было типичным в прошлом, будет типичным и в настоящее время, т.е. сохранится прежняя система релевантности. Но в жизни обоих партнеров могут возникнуть инновации. Солдат нередко удивлялся письма из дома. Эта смена систем релевантностей коррелирует с изменением степени близости: домашняя группа продолжает существовать в повседневной жизни по привычному образцу. Конечно, сам образец тоже может изменяться. Но эти изменения медленные, к которым люди адаптируют свою систему интерпретаций, приспособляя себя к изменениям. Иными словами, система меняется как целое, без разрывов и разломов. Даже в модификациях всегда есть завещание того, как совладать с жизнью, за исключением случаев насильственного разрушения в катастрофах или враждебных действиях. У отсутствующего всегда есть преимущество в познании этого всеобщего образца. Он может представить себе действия матери или сестры в той или иной ситуации, исходя из прошлого опыта, но они не могут иметь того же опыта в отношении жизни солдата на фронте. Правда, средства массовой информации, рассказы возвращающихся и пропаганда дают некоторую картину жизни на фронте, но эти стереотипы формируются не спонтанно, а направляются, просеиваются в военных и политических целях. Но ситуация солдата уникальна. Когда по возвращении он будет говорить о ней — если вообще заговорит, — то увидит, что даже симпатизирующие ему люди не понимают уникальности его индивидуального опыта, который сделал его другим человеком. Они будут стараться найти знакомые черты уже сформировавшихся типажей солдатской жизни на фронте. С их точки зрения, его жизнь на фронте лишь в незначительных деталях отличалась от того, что они читали в журналах. Так, может оказаться, что многие поступки, которые кажутся людям проявлением величайшего мужества, на самом деле для солдата в бою — лишь борьба за выживание или исполнение долга, в то время как другие многочисленные примеры самопожертвования и героизма остаются недооцененными людьми дома.

Несоответствие между уникальностью и важностью, которые отсутствующий приписывает своему опыту, и псевдотипизацией его людьми, оставшимися дома и приписывающими этому опыту псевдорелевантность, является одним из величайших препятствий для возобновления мы-отношений. Успех или неудача возвращающегося домой зависят от шанса трансформировать эти социальные отношения в возобновляющиеся. Но даже если подобное отношение и не превалирует, исчерпывающее решение этой проблемы остается недостижимым идеалом.

Но здесь оказывается под вопросом ни много, ни мало, как обратимость внутреннего времени. Это та самая проблема, которую Гераклит выразил афоризмом о невозможности пойти в одну и ту же реку дважды и которую Бергсон анализировал как длительность: суть ее состоит в том, что прошлый опыт приобретает иное значение. Да и вернувшийся человек уже не тот: ни для себя, ни для тех, кто ждал его возвращения. Это справедливо для всех возвращающихся. Даже если мы возвращаемся домой после короткого перерыва, мы обнаруживаем, что старое, привычное окружение приобретает дополнительное значение, возникающее из нашего опыта в период отсутствия: вещи и люди, по крайней мере вначале, имеют другие облики. И требуется определенное усилие, чтобы трансформировать нашу деятельность в рутинное русло и реактивировать наши прежние отношения с людьми и вещами.

В определенной мере каждый возвращающийся домой вкушает магические плоды отстраненности, будь они сладки или горьки. Лишь огромная тоска по дому заставляет переводить в старые образцы новые цели, новые средства их реализации, навыки и опыт, приобретенные вдали от дома.

К сожалению — и это главное — нет гарантии, что социальные функции, выдержавшие тест в одной системе, смогут сделать то же, будучи перенесены в другую. Это особенно справедливо в отношении возвращающихся с войны ветеранов. С социологической точки зрения, армейская жизнь демонстрирует странную амбивалентность. Она характеризуется исключительно высокой степенью принуждения, дисциплины, навязанной контролирующей и нормативной структурой. Чувство долга, товарищества, ощущение солидарности и субординации — выдающиеся качества, развитые в индивиде, но в данном случае они замкнуты внутри рамок определенной группы и не открыты его собственному выбору. Эти черты ценны как во время мира, так и во время войны. Однако во время войны они регулируют поведение лишь внутри своей группы, но не врагов. Отношение к врагам является скорее противоположным навязанной дисциплине. То, что превалирует в нем, чтобы одолеть противника, не может быть исполь-

зовано в образцах гражданской жизни в западных демократиях. Война — это тот архетип социальной структуры, который Дюркгейм назвал нарушением закона. В гражданском обществе солдат должен выбирать свои цели и средства и не может, как в армии, следовать авторитету или руководству. Поэтому он нередко чувствует себя, как ребенок без матери.

Другой фактор. Во время войны служащие в вооруженных силах имеют привилегированный статус в обществе. «Все лучшее — нашим солдатам» — таков лозунг военного времени. И как гражданские смотрят на человека в военной униформе, так и он сам смотрит на себя, даже если выполняет незначительную работу в вооруженных силах. Но возвращающийся домой лишен униформы, а с нею — и привилегированного положения в обществе. Это не означает, конечно, что он лишается престижа защитника родины, однако история показывает, что преувеличенное долголетие не сопутствует памяти о славе.

Сказанное ведет к практическим выводам. Много сделано, но еще больше предстоит сделать, чтобы подготовить возвращающегося домой ветерана к необходимости прилаживания к дому. Равно необходимо подготовить к его приходу и домашнюю группу. Через прессу и радио следует разъяснять домочадцам, что человек, которого они ждут, уже не тот, другой, и даже не такой, каким его воображают. Повернуть пропагандистскую машину в противоположном направлении, разрушить псевдотипы батальной жизни и жизни солдата вообще и заменить его на правду — не простая задача. Но необходимо уничтожить прославление сомнительного голливудского героизма и нарисовать реалистическую картину того, как эти люди думают и чувствуют, — картину не менее достойную и вызывающую к памяти. Поначалу не только родина покажет возвращающемуся домой незнакомое лицо, но и он покажется странным тем, кто его ждет. И те, и другие должны быть мудры.

Предисловие и сокращенный перевод с английского Н.М. СМЕРНОВОЙ